

Проблемы

КОНФЛИКТ КЛАССА С УЧИТЕЛЕМ-ПРЕДМЕТНИКОМ

В поисках компромисса

В. СЛУЦКИЙ

К любому конфликту, считает автор, стоит относиться творчески — как к возможности чему-то научиться и что-то изменить к лучшему. Причём всем трём сторонам: и ученикам, и учителю, и классному руководителю.

Это письмо я получил несколько недель тому назад. Автора письма не знаю, но думаю, что это хорошая учительница, раз её волнуют проблемы взаимоотношений с детьми. Вот что она пишет:

«Дайте мне совет: что мне делать с моим классом? Я классный руководитель, они уже большие (9 класс). Очень любят качать права, постоянно ссорятся с учителями. Я устала от этого смертельно. Как сделать так, чтобы они стали более терпимыми, жили мирно со своими преподавателями? Что поведуете мне?»

Я решил ответить на страницах журнала и этой учительнице, и всем классным руководителям, кому приходится улаживать конфликты между своим классом и предметниками.

Ни для кого не секрет: классному руководителю часто приходится в ситуации конфликта между «своими» детьми и кем-нибудь из учителей выступать в роли подушки. Обе стороны порой настроены довольно агрессивно: приходится вклиниваться между ними, дабы они «молотили кулаками» всё-таки не друг друга, а подушку.

Между тем, как это ни странно, любой конфликт — это возможность что-то изменить к лучшему. Что-то понять, взглянуть по-новому на себя и других. Хотя в то же время это и риск — риск стать хуже, сделать что-то недостойное.

Можно сказать, что бесконфликтность — ситуация хотя и безопасная, но неконструктивная. Ничего не меняется ни к худшему, ни к лучшему — ничего и не может измениться. Стабильность. Или застой.

А конфликт — это всегда какой-то сдвиг, какие-то изменения. И будет ли это изменение к лучшему или к худшему, зависит от нас самих. Так что к любому конфликту стоит относиться творчески: как к возможности что-то изменить.

* * *

Это произошло лет десять тому назад. У меня было классное руководство в десятом лингвистическом классе, в одном из самых, как сейчас говорят, про-

135

Сведения
об авторах
[143 - 144]

двинутых учебных заведений нашего города, по статусу — лицее. Что это был за класс? Из 25 человек четверо имели по русскому языку оценку «4», остальные — «5». Все болтали по-английски, как по-русски.

Хотя я был их классным руководителем, но никаких уроков у них не вёл (так там принято). Русский язык и литературу вела у них Мария Ивановна, пожилая учительница. Муж её тогда не работал (дефолт и прочие прелести), сын и дочь — студенты. Так что она содержала троих человек. И она взяла 40(!) часов в неделю. Ей дали — вошли в положение. Но, конечно, готовиться к урокам она была не в состоянии.

И вот как-то прибегают ко мне мои «продвинутые англичане» во главе с главной заводилой во всех подобных делах, Майей.

Произошло вот что. Мария Ивановна в начале урока русского языка сказала, что повторить тему лучше всего по таблице, и стала её диктовать. Майя ей говорит:

— Да вы нам дайте её, мы себе сделаем ксерокопии.

А Мария Ивановна на неё раскричалась:

— Делай, что тебе сказано! Ты ещё тут умничать будешь! Кто тут учитель: ты или я?

Во всяком случае, так передала её слова Майя. И, конечно же, Майя была страшно возмущена: что это такое, она нас не уважает, обращается с нами, как с маленькими и т.д. и т.п.

Я её терпеливо выслушал. Майя не так грозна на деле, как на словах — ей только нужно дать выпустить пар. И я дал. Подождал, пока она сама замолчит. А с ней, кстати, пришли ещё полкласса.

Я их спрашиваю:

— Как выглядит Марья Ивановна?

(Это такой приём: сделать или сказать что-нибудь совершенно неожиданное, чтобы выбить собеседника из роли.) Они удивились и, конечно, на вопрос ответить не смогли.

— Я задаю простой вопрос. Вы сейчас на уроке все видели Марию Ивановну, так? Можете сказать, как она выглядит? У неё не всё в порядке со здоровьем, поэтому я спрашиваю.

Они — в недоумении. Майя опять разозлилась, теперь уже на меня.

— Да какое это имеет значение, как она выглядит? Мы же вам не о том говорим!

— Да, это я прекрасно понял. Вы говорите только о себе, а я вас спрашиваю о другом человеке. Вы смотрели на Марию Ивановну битых сорок пять минут — и не можете сказать, как она выглядит?

Тут открыла рот Аня, самый молчаливый, но, как часто бывает, и самый внимательный и наблюдательный человек в классе.

— Бледная она очень. Наверное, плохо себя чувствует.

— Ну и не надо было вообще на уроки приходить, — сразу отреагировала Майя. — Обошлись бы без неё. Я на её уроки вообще больше не пойду!

— Ну хорошо, не ходи. Я тебе персонально разрешаю. Но учти: ты ничего не поняла. И эту проблему ты всюду будешь носить с собой. Так что неважно, пойдёшь ты на русский язык или нет — тебе всё равно будет хуже.

Тут уже она обиделась.

— Да чего, интересно, я не понимаю? Просто она недобросовестный человек, вот и всё!

— Ничего подобного! Я знаю Марию Ивановну давно: она очень добросовестный человек. Но к этому уроку она действительно была не готова.

— Вы же сами себе противоречите: говорите, что добросовестная, а к уроку не готова — как же это может быть?

— А вот так. У неё 40 часов в неделю. Плюс проверка тетрадей. Она одна кормит, кроме себя, мужа и детей. Да, я согласен, она сегодня повела себя неправильно. Конечно, нельзя так тратить время урока. И так разговаривать с тобой она не должна была. Но ты ошибаешься: это не от неуважения к тебе, а от усталости. Она просто смертельно устала, поэтому не нашлась, что тебе ответить. Это тебе понятно?

— Ну, ладно, допустим, понятно...

— Говорю тебе ещё раз: не хочешь ходить на русский — не ходи. Но ты всё равно будешь всюду таскать с собой свою слепоту, свой детский эгоизм: убеждённости в том, что все тебе должны, все для тебя должны быть хорошими — а ты ни для кого.

Она замолчала. Нахмурилась. Вижу, что очень обиделась. Я продолжил:

— Мария Ивановна, конечно, неправа. Но можете вы, здоровые, молодые, благополучные люди, простить пожилого смертельно усталого больного человека? Или вы на это не способны?

— А она у нас прощения не просила...

— А вам очень нужно, чтобы попросила? Она прекрасно понимает, что вела себя неправильно. Но она советская учительница: ей трудно признаться. Так вы можете её простить просто так или нет? Вы взрослые люди или всё ещё маленькие эгоистичные дети?

— Конечно, можем. Мы на неё и не сердимся.

— Я был уверен в таком ответе. Давайте мы так решим: вы правы, а она не права. Но вы её прощаете. Потому что вы люди и вы вошли в её положение. Вот и всё. А ты (это Майя) можешь на её уроки не ходить. Спросит, на каком основании, — скажешь, я разрешил. Персонально. Всё, до свиданья!

После этой беседы Майя со мной недели две не разговаривала. Но на уроки русского языка ходила. И видно было, что что-то в ней происходит, какой-то внутренний процесс.

И класс мой после этого случая с Марьей Ивановной больше не ссорился, отношения у них становились всё теплее. Когда они заканчивали школу, Мария Ивановна была уже в числе их любимых учителей. Она добрая. А это ведь важнее всего. И это они в конце концов в ней разглядели. Несмотря на свою «продвинутость» и свой блестящий английский.

И тот конфликт, я уверен, большинству из них пошёл на пользу. То, что они тогда поняли, важнее любых «английских» и «русских».

* * *

Так что моё мнение вот какое. То, что современные дети любят качать права, само по себе неплохо. Этим они отличаются в лучшую сторону от нас, советских детей, понятия не имевших ни о каких своих правах. А эти знают, что у них права

есть и их можно отстаивать. Но в то же время они по-детски эгоистичны, не имеют, а часто и не хотят понимать других. Конфликт с учителем — это возможность их чему-то научить. Надо использовать эту ситуацию. И тогда мы перестанем бояться конфликтов.

От редакции

Когда классный руководитель вынужден разбираться в конфликте между своим классом и своими коллегами, всё его внимание уходит на одно: как погасить конфликт.

А погасить его надо любой ценой: чтобы не только детям и учителям-предметникам жилось спокойно, но чтобы и самому жилось спокойно. Да оно и понятно: по-настоящему хорошо и продуктивно работается только в дружественной атмосфере.

Ну а что, если не спешить гасить конфликт? Для начала к нему присмотреться — откуда он берётся и как разрастается? И все ли способы хороши для поддержания обманчивой школьной «стабильности»?..

У каждого из вас наверняка на памяти не одна история, когда вам пришлось быть в роли конфликтолога. Очень ждём ваших рассказов, откликов, размышлений.

[106 – 121]
Сценарии
и алгоритмы

138 ▶